

УДК 78.01+78.071.2

*В. Батанов***СПЕКТРАЛЬНОСТЬ ВКЛАДА С. КУСЕВИЦКОГО
В ИСТОРИЮ МУЗЫКИ XX СТОЛЕТИЯ**

Работа посвящена выявлению спектральной автономизированной многосоставности творческой деятельности С. Кусевицкого как соответствующей универсализму личности, которая определилась в «неоренессансном» мироощущении прошлого века. В центре внимания — спектральная совокупность творческого проявления С. Кусевицкого как виртуоза-контрабасиста, дирижера, музыканта-просветителя, композитора, режиссера-постановщика, педагога.

Ключевые слова: *спектральность-комплексность музыкально-творческой деятельности, стиль в музыке, стиль мышления, символизм-неосимволизм, ренессанс-неоренессанс.*

Актуальность темы определена характерной особенностью художественной среды на современном этапе, которую можно обозначить как «рубужность». И это соотносимо с мироощущением представителей конца XIX — начала XX столетия и нашло отражение в стилистическом определении искусства последних десятилетий как *неосимволизма* [10], указуя тем самым на связь с утверждением *символизма* на грани минувшего и ему предшествовавшего века в качестве ведущей художественной и, шире, мыслительной типологии названного исторического периода. В этом плане представительства эпохи символизма, актуализированной современными устремлениями консолидации с эпохой конца XIX — начала XX века, чрезвычайно убедительна фигура С. Кусевицкого, осознававшего себя в начале минувшего столетия творцом нового направления в социокультурном контексте исполнительской деятельности и художественной стилистики в целом. Имя С. Кусевицкого авторитетно в исследовательской сфере, и, прежде всего, своим универсализмом, что сопоставимо с образом творца ренессансного типа и соответствовало неоренессансным установкам художественной культуры XX столетия [3].

Цель работы — выявление спектральной автономизированной многосоставности творческой деятельности С. Кусевицкого как соответствующей универсализму личности, определившейся в «неоренессансном» мироощущении прошлого века. Конкретные задачи: 1) систематизация сведений о символистском мыслительном типе как стимуле *неоренессансного* стилево-мыслительного расклада

XX века; 2) анализ совокупной творческой деятельности С. Кусевицкого в аспекте соответствия ее указанным типологическим предпочтениям начала и в целом XX столетия.

Методологической основой работы являются труды П. Валери [7], А. Белого [5], А. Лосева [8; 9], Л. Баткина [4] и других, выделяющих ренессансный культурный тип и символизм как миропонимание, а также музыковедческие разработки Б. Асафьева [3], В. Медушевского [12], А. Сокола [20], Е. Рощенко [16], А. Самойленко [18], Е. Марковой [10] и др., освещающих культурологические измерения музыкальной деятельности. Соответственно определяющими методами работы выступают историко-стилевой анализ компаративной направленности, его специальный культурологический аспект, направленный в сравнение художественных и мыслительных типологий, показательных для конкретики исторического периода деятельности субъекта.

Имя С. Кусевицкого авторитетно в исследовательской сфере, и, прежде всего, своим универсализмом, что сопоставимо с образом творца ренессансного типа и соответствовало неоренессансным установкам художественной культуры XX столетия. Специфика последнего выявлена П. Валери в характеристике его «системы Леонардо да Винчи» [7], смыслом которой выступает возрождение в творческой среде забытого в эпоху романтизма единства художественной и научно-практической работы, столь убедительно зафиксированной феноменом Леонардо да Винчи в XV ст. и воспроизведенном в новом качестве П. Хиндемитом в XX веке.

Более узкое понимание этого рода ренессансных — неоренессансных соответствий находим в трактовке теоретической и организационно-практической (менеджментской) деятельности, которая, если и существовала в совмещении с художественным проявлением в XIX столетии практически, то ни в коем случае не заявлялась как принцип (вспомним всеобщее осуждение Дж. Мейербергера за его меркантилизацию организации постановок его опер [21, с. 350–351]). Для XX столетия менеджментский размах С. Дягилева является важнейшим и приветствуемым показателем продвижения художественного мира, что и воспроизводят в сочетании с художественным творчеством как таковым мастера уровня С. Кусевицкого, К. Орфа и др.

Главное, что привнес в музыку XX век, возрождая феномен Леонардо да Винчи, это вычленение значимости *теоретизации* творческой практики: совмещение в одном лице композиторской-

исполнительской и теоретико-методологической работы, как это находим у О. Мессяна, П. Хиндемита, И. Вышнеградского, К. Орфа и др. великих репрезентантов прошедшего века научно-технической революции. Значимость *символистской* установки для становления художественного реноме XX века в целом, при всем неприятии этой непосредственной преемственности отдельными представителями «новой молодежи» 1920-х (см. отторжение «облаков и туманностей» символизма Шестеркой: [22, с. 161], др.), подтверждает позиция авторов концепции *современной музыки* в XX веке.

Из пяти наиболее значимых имен (см. у Е. Марковой: [10, с. 27–42]) Р. Рети указывает исключительно на К. Дебюсси, классика символизма в музыке, как на источник всех методологических новаций XX века [15]; Т. Адорно, выделяя альтернативу И. Стравинский — А. Шенберг [23] в стилевом оснащении минувшего столетия, фактически апеллировал непосредственно к постсимволистскому и символистскому стимулу открытий названных лидеров стиля XX века; Р. Влад [25] подчеркнул значимость К. Дебюсси и *неальтернативность* Стравинского-Шенберга (и с ним фактически солидаризируется С. Павлишин [13], заменяя Стравинского откровенно символистской фигурой Ч. Айва) в постсимволистском искусстве как средоточии стиля XX века, а также — особую значимость Б. Бартока в его укорененности в искусстве *символизма*. Что касается концепции Б. Шеффера [24], то здесь очевидна обобщающая все предшествующие установка с исходящим рядом имен Дебюсси — Стравинского — Шенберга.

Символистская парадигма музыки XX века имеет важные методологические последствия, связывая символистское мышление в целом (религиозное в своих основаниях [1]) с художественно-творческим как таковым, что и обусловило название одного из главных теоретических обобщений этого явления: «Символизм как миропонимание» А. Белого [5]. Религиозная обусловленность мыслительных стереотипов в символизме определила множественные составляющие выстраивающих его компонентов как художественное, религиозное и конструктивно-мыслительное качества, углубляя в структуре личности те предпосылки стилево-мыслительной парциальности, которые неотделимы от представлений о творчестве вообще [6].

Соответственно, на эпоху символизма и на XX век в целом распространяется характеристика творчески-активной деятельности как «совокупной» и, добавляем, «спектральной» по существу разветвленной многосоставности деятельностной структуры. И данный термин

весьма органично подключается к характеристике того, что есть в основе своей творческая деятельность С. Кусевицкого.

Имя Сергея Кусевицкого стоит в одном ряду с именами тех, кто олицетворяет крупнейшие достижения художественной культуры XX столетия. Кусевицкий принадлежал к той плеяде одаренных личностей, которые отводили себе роль в истории культуры гораздо более значительную, чем собственное творчество художника. Универсализм Кусевицкого, сопоставимый с ренессансным идеалом «*homo faber*» (теоретически осмысленным итальянскими гуманистами в понятии «*virtu*») запечатлевает характерную установку культуры XX века, которую принято определять как «неоренессансную». Данный терминологический оборот ориентирует на особого рода «бинарность» ренессансной «диалогии» (Л. Баткин: [4]). Такой подход совершенно соотносим с установившимся в научном обиходе определением века минувшего, века научно-технической революции, с уточняющим признаком, прямо указующим на его отмеченность глобальными катастрофами и множеством социальных катаклизмов, — как «века конфликтной психологии».

Анализ творческих явлений XX столетия нередко не укладывается в традиционные классификационные границы видовых и родовых различий, поскольку речь идет не о линейных, полярно-двойственно распадающихся оппозициях, но о более сложном соподчинении слагаемых целого, что требует поиска более гибкой, подвижной классификационной шкалы. В музыковедении (и в служебно-организационной деятельности) сложилось представление о «комплексности» как о чрезвычайно важном и существенном моменте в понимании сложной соотнесенности слагаемых целого. Однако в последние десятилетия наряду с признанием указанного терминологического оборота были и периоды его забвения. Ибо «комплекс» (от лат. *complexus* — связь, сочетание) понятийно расшифровывается как «совокупность предметов или явлений, составляющих одно целое» [19, с. 613].

В данном определении термина для нас важно то, что в понятии «совокупность» представление о целостности, неразделенности слагаемых почти «мифологично» сочетается с различием их качественной обособленности. Однако такое суммарное, в целом, представление о слагаемых некоторого единства становится недостаточным в тех случаях, когда аналитический подход составляет органическую базу явления. Пример тому — традиционные музыковедческие разработки, иногда называемые «картезианскими» в том смысле, что

они тяготеют к понятийной дифференциации, без которой музыковедческий аппарат — неадекватен. Отсюда и категорическое избегание музыковедами понятия «комплексный/комплексность» в аналитическом рассмотрении произведений, а также — в характеристике их исполнений. Вместе с тем указанный терминологический оборот довольно часто употребляется в работах, посвященных вопросам педагогических поисков индивидуального метода, основывающегося, прежде всего, на интуиции педагога.

Следовательно, по нашему мнению, апеллирование к понятию «комплексности» в рассмотрении деятельности Кусевицкого изначально упрощает и нивелирует представление о ней, поскольку исполнительская, композиторская, издательская, публицистическая, благотворительная и другие сферы его деятельности демонстрируют явную аналитическую направленность умственной работы, программность мышления.

Учитывая неразработанность терминологической палитры, употребляющейся в рассмотрении полинаправленной профессиональной деятельности музыкантов, предлагаем усилить качественную интенсивность слагаемых иерархической деятельности Кусевицкого с помощью термина «спектральность». В целом такой подход возможен в рассмотрении деятельности художников-универсалов XX столетия типа П. Хиндемита (композитор, дирижер, музыковед, педагог, скрипач, альтист, исполнитель на виоле д'амур), К. Орфа (композитор, педагог-исследователь, драматург, общественный деятель, капельмейстер, актер), Ж. Энеску (композитор, дирижер, скрипач, пианист, педагог, музыкально-общественный деятель), Э. Виллы-Лобоса (композитор, дирижер, ученый-фольклорист, педагог, музыкально-общественный деятель), Я. Ксенакиса (композитор, музыкальный теоретик, ученый-фольклорист, архитектор, математик, инженер-программист), Б. Лятошинского (композитор, педагог, дирижер, музыкально-общественный деятель, юрист), С. Танеева (композитор, педагог, ученый, пианист, музыкально-общественный деятель), С. Рахманинова (композитор, дирижер, пианист), Э. Денисова, А. Шнитке и др.

Понятие «спектральности» сложилось в физике [19, с. 1251]. В данном случае выделим этимологию слова «спектр» (от лат. spectrum — представление, образ), в котором узнаваемы терминологические обороты (представление, образ), использующиеся в музыковедческой литературе. Спектр тоже ориентирован на «совокупность значе-

ний», составляющих целое «величин». С понятием «спектральности» связано понятие «спектральной плотности», то есть насыщенности того или иного участка целого. Напомним, что так называемый «спектральный анализ» фиксирует внимание на интенсивности проявлений тех или иных качеств в целом.

В виде терминологического нововведения предлагаем дефиницию «спектральность деятельности музыканта», которая позволяет вычленив в совокупном «образе» уровни интенсивных, качественно различных проявлений слагаемых деятельности как целого. Осознавая сложность внедрения в музыковедческий терминологический обиход понятия, сложившегося в иной сфере знания, объясняем его интуитивным принятием в словесно-научном обращении указанного слова-термина и соприкасаемостью этимологического значения термина «спектр» с соответствующим музыковедческим пониманием (см. выше). Также отмечаем аналитическую разграниченность представлений об иерархичности и разной степени интенсивности проявления частей в понимании целого, присущего представлениям о «спектре» — «спектральном анализе».

При этом базисным смыслом в характеристике вклада Кусевицкого в культуру XX века обладает художественно-творческая сторона его деятельности, исполнительская и композиторская позиции Кусевицкого в становлении русской контрабасовой школы.

Суммируя краткий обзор сольного исполнительства на контрабасе до появления С. Кусевицкого, можно отметить значительный прогресс в становлении и формировании контрабасового исполнительства в России с конца XVII до начала XX вв.: были созданы Петербургская и Московская консерватории с высококвалифицированными преподавателями; эти консерватории были оснащены соответствующим инструментарием.

Однако изначально в отношении к контрабасу была применена ошибочная установка, измененная только в XX в. Кусевицким. Вплоть до начала XX века контрабас считался исключительно басово-оркестровым инструментом, сольное исполнительство на котором рассматривалось в основном как цирково-развлекательное зрелище. С исполнителями высокого уровня был знаком лишь ограниченный круг аристократической публики, что было существенным препятствием к расширению известности сольного исполнения. Появившиеся в XIX в. солисты-виртуозы рассматривались в основном как «исключения» из общих правил, а их искусство — как «цирковой»

номер. Переломным моментом явилось творчество С. А. Кусевицкого, благодаря которому изменилось отношение к контрабасу в целом.

Решающим выступлением в его карьере солиста был концерт 27 января 1901 г. с симфоническим оркестром Филармонического общества. В отзывах на этот концерт один из рецензентов писал: «Виртуоз на контрабасе — это целая революция в области музыки. Однако на последнем симфоническом концерте Кусевицкий наглядно доказал, что дело не в инструменте, а в искусстве... Теперь Кусевицкий может смело отправляться за границу концерттировать; он — единственный в своем роде ...» [17]. Выступление 12 февраля 1905 г. в Москве знаменательно первым исполнением Кусевицким своего Концерта для контрабаса с оркестром. В то время концертный репертуар для контрабаса был крайне ограничен. Если в Италии, Германии, Австрии все же появлялись время от времени контрабасисты-виртуозы, то в России С. А. Кусевицкий был первым солистом, не вызывавшим иронических улыбок.

Особо блестящим в исполнительской деятельности Кусевицкого считается сезон 1907 г. В этом сезоне он выступал в Лейпциге, Будапеште, Вене, Мюнхене; дал 5 концертов в Париже и три — в Лондоне. Не довольствуясь изученным репертуаром, Кусевицкий все время обновляет его, внося новые интересные переложения. Так, в одном из концертов в январе 1908 г. в Лейпциге он исполнил самый сложный для контрабаса виолончельный концерт К. Сан-Санса, а позже, в одном из вечеров Гевандхауза, «Кол Нидрей» М. Бруха. С 1906 по 1908 г. он параллельно изучает искусство дирижирования. 23 февраля 1908 г. состоялся дебют Кусевицкого-дирижера. С этого времени акцент творческой деятельности медленно, но верно перемещается в сторону дирижирования. Однако, даже став прославленным дирижером, он не прекратил выступать как солист-контрабасист. Свидетельство тому — география его гастрольных турне: Будапешт, Берлин, Амстердам, Лондон, Париж, Брюссель... [3].

В целом С. Кусевицкий значительно расширил технические возможности контрабаса, сделав его блестящим концертным инструментом. Роль Кусевицкого в расширении «оркестральных» возможностей контрабаса как сольно-концертного инструмента сопоставима с ролью Ф. Листа в отношении максимальной реализации оркестральных-концертных возможностей фортепиано-рояля.

С. А. Кусевицкий стал основоположником новой области, можно сказать, «школы» русского музыкально-исполнительского искус-

ства. Концерт *fis-moll*, ор. 3 для контрабаса и оркестра Кусевицкого не только пополнил достаточно скудную (в сравнении с объемным репертуаром для других струнных инструментов) художественную литературу для контрабаса, но, будучи произведением весьма виртуозного характера, способствовал развитию технических и выразительных возможностей этого инструмента. Данное сочинение обладает и художественными достоинствами. В пользу этого аргумента свидетельствует и его необычайная популярность среди контрабасистов: сочинение входит в программы международных конкурсов контрабасистов, включено в репертуар учебных заведений, часто исполняется контрабасистами всего мира.

Итак, самозначимость музыкально-художественного вклада С. Кусевицкого, композитора и исполнителя, несомненна, но образует лишь часть того объективно величественного вклада, который осуществил этот деятель *комплексом-спектральностью* своих художественно-творческих и организационно-педагогических, дирижерских, постановочных, менеджментских проявлений, с выходом на тот *некоммерческий маркетинг* [14], который составляет главную примету этого рода деятельности в художественно-самодостаточной сфере, заслуг. Неоренессансный охват указанного деятельностного спектра определен органикой сочетания в его личностной активности художественной и внехудожественных сфер применения дарования, в котором *менеджментская* осознанная позиция, движимая просветительской идеей продвижения Новой музыки, образовала принципиально новую, по сравнению с веком романтизма, направленность работы музыканта и педагога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабаджи Д. Очерки Христианского символизма / Д. Арабаджи. — Одесса : Друк, 2008. — 548 с.
2. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1–2 / Б. Асафьев. — Л. ; М. : Музыка, 1971. — 376 с.
3. Астров А. Деятели русской музыкальной культуры С. А. Кусевицкий / А. Астров. — Л. : Музыка, 1981. — 191 с.
4. Баткин Л. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления / Л. Баткин. — М. : Наука, 1989. — 272 с.
5. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый. — М. : Республика, 1994. — 336 с.
6. Блинова М. Музыкальное творчество и закономерности высшей нервной деятельности / М. Блинова. — Л. : Музыка, 1974. — 144 с.

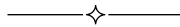
7. Валери П. Введение в систему Леонардо да Винчи / П. Валери // Об искусстве : сборник / [предисловие А. А. Козловского]. — [2-е издание]. — М., 1993. — С. 25–55.
8. Лосев А. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Лосев. — М. : Искусство, 1976. — 367 с.
9. Лосев А. Эстетика Возрождения / А. Лосев. — М. : Мысль, 1982. — 623 с.
10. Маркова О. Нариси з історії зарубіжної музики 1950-х — 1990-х років. Франція. Австрія. Німеччина. Італія. Вип. 1 / О. Маркова — Одеса : Друкарський дім, 2010. — 128 с.
11. Маркова Е. Проблемы музыкальной культурологии / Е. Маркова. — Одесса : Астропринт, 2000. — 164 с.
12. Медушевский В. Онтологические основы интерпретации музыки / В. Медушевский // Интерпретация музыкального произведения в контексте культуры : [Сб. ст.]— М., 1984. — Вып. 129. — С. 5–11.
13. Павлишин С. Зарубежная музыка XX века. Пути развития. Тенденции / С. Павлишин. — Киев : Музична Україна, 1980. — 212 с.
14. Полевой О. Компании шоу-бизнеса и их музыкальные составляющие / О. Полевой // Музична культура і мистецтво. Науковий вісник ОДМА імені А. В. Нежданової : [Збірник наукових праць / гол. редактор О. В. Сокол]. — Одеса : Друкарський дім, 2011. — Вип. 13. — С. 46–56.
15. Рети Р. Тональность в современной музыке / Р. Рети. — Л. : Сов. композитор, 1967. — 67 с.
16. Рощенко (Аверьянова) Е. Концепции бесконечного и конечного в философии и искусстве романтизма / Е. Г. Рощенко (Аверьянова) // Проблемы эстетической ориентации педагогического процесса. Проблемы современного искусства и культуры: [збірник наукових праць]. — Харків : Каравела, 2000. — С. 194–205.
17. Русское слово. — 1901. — № 29.
18. Самойленко А. Музыкаведение и методология гуманитарного знания. Проблема диалога / А. Самойленко. — Одесса : Астропринт, 2002. — 243 с.
19. Советский энциклопедический словарь / [ред. А. М. Прохоров. — Изд. 2-е. — М., 1984. — 1600 с.
20. Сокол А. Теория музыкальной артикуляции / А. Сокол. — Одесса : ОКФА, 1996. — 206 с.
21. Хохловкина А. Западноевропейская опера. Конец XVIII — первая половина XIX века. Очерки / А. Хохловкина. — М. : Гос. муз. издат., 1962. — 368 с.
22. Шнеерсон Г. Французская музыка XX века. / Г. Шнеерсон. — Изд. 2-е, доп. и перер. — М. : Музыка, 1970. — 576 с.
23. Adorno T. Philosophie der neuen Musik / T. Adorno. — Frankfurt a.M., 1978. — 200 s.
24. Schäffer V. Nowa muzyka. Problemy współczesnej techniki kompozytorskiej / V. Schäffer. — Kraków : PWM, 1969. — 543 s.
25. Vlad R. Modernita e tradizione della musica contemporanea / R. Vlad. — Torino, 1955. — 267 p.

Батанов В. Спектральність внеску С. Кусевицького в історію музики XX століття. Робота присвячена виявленню спектральної автономізованої багатоскладовості творчої діяльності С. Кусевицького як тієї, що відповідає критеріям універсальності особистості, що визначилася в «неоренесансному» світовідчутті минулого віку. В центрі уваги — спектральна сукупність творчого проявлення С. Кусевицького як віртуоза-контрабасиста, диригента, музиканта-просвітителя, композитора, режисера-постановника, педагога.

Ключові слова: спектральність-комплексність музично-творчої діяльності, стиль в музиці, стиль мислення, символізм-неосимволізм, ренесанс-неоренесанс.

Batanov V. Spectral-complex type of contribution S. Kusevitsky in history of the music XX centuries. Work is dedicated to discovery spectral autonomous complicated creative activity S. Kusevicki as corresponding to universality of personalities, which was defined in «neorenaissance» world-outlook in past of the age. In the highlight — a spectral collection of the creative manifestation S. Kusevitsky as virtuos contrabass-player, conductor, musician-instructor, composer, stage manager-director, teacher.

Keywords: spectral-complex type of music-creative activity, style in music, style of the thinking, symbolism-neo symbolism, renaissance-neorenaissance.

УДК 78.071.1/.083/786.2

Лу Юйцзюнь

ОСОБЕННОСТИ ЗАРУБЕЖНОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА С. РАХМАНИНОВА

В статье рассматривается и характеризуется зарубежный период творчества Сергея Рахманинова. Доказывается, что все произведения, как завершенные за рубежом, так и созданные там, пронизаны ностальгией по России, что выражено в использовании фольклорного народно-песенного материала, а также цитатностью и вариационностью.

Ключевые слова: ностальгия, цитатность, вариационность.

Творческая деятельность Сергея Рахманинова оказалась разделенной на два крупных периода — русский и зарубежный. Произведений зарубежного периода творчества композитора немного, но они поистине составляют вершину композиторского гения Рахманинова: это Четвертый фортепианный концерт, «Три русские песни» для оркестра и хора ор. 41, фортепианные Вариации ор. 42, «Рапсодия на